

Спасский А. А. Эллинизм и христианство. (История религиозно-литературной полемики между эллинизмом и христианством в раннейший период истории христианской религии) [I. «Октавий» Минуция Феликса как первый полемический опыт] // Богословский вестник 1911. Т. 2. № 5. С. 162–193 (3-я пагин.). (Начало.)

ЭЛЛИНИЗМЪ И ХРИСТИАНСТВО.

(Исторія литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христианствомъ за раннѣйшій періодъ исторіи христианской религіи).

Среди тѣхъ разнообразныхъ и многосложныхъ отношеній, въ какія вступила философія и религія эллинизма съ вновь народившимся религіознымъ теченіемъ, постепенно охватившемъ собою всю культурную Европу, одна сторона по важности вопроса и сравнительной полнотѣ свѣдѣній привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе. Мы разумѣемъ тѣ памятники религіозно-литературнаго характера, какими обмѣнялись представители эллинизма и христианства за древнѣйшую эпоху христианской исторіи и которые сохранились до нашего времени. Изученіе этихъ памятниковъ вскрываетъ предъ нами новую и полную захватывающаго интереса струю въ той сложной области, которая обыкновенно имѣется понятіями христианства и эллинизма, взятыми въ ихъ историческомъ взаимодействіи. Отъ вышней поверхности жизни, отъ случайныхъ и хронологическихъ упорядоченныхъ фактовъ она вводитъ въ самую таинственную, по всецѣло опредѣляющую собою существо челоѣка сферу—въ сферу религіозныхъ вопросовъ и загадокъ и рѣшаетъ кардинальный для того времени вопросъ: чья вѣра лучше и съ какой религіи челоѣкъ становится ближе къ Богу?

Современная западная наука очень богата отдѣльными изслѣдованіями, этюдами, брошюрами и журнальными статьями, можно сказать, всесторонне исчерпывающимъ поставленную проблему. Но вся эта разнообразная и разноязычная литература занимается изученіемъ лишь отдѣльных фактовъ

изъ исторіи литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ; сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на одномъ историческомъ проявленіи его, и въ этомъ отношеніи имѣетъ несомнѣнную цѣнность. Но полной и всеобъемлющей исторіи религіозно-полюемической литературы между эллинизмомъ и христіанствомъ доселѣ еще не существуетъ ¹⁾, этимъ и объясняется предпринимаемая здѣсь попытка дополнить существующій въ наукѣ недостатокъ. Сохранившіяся до насъ свѣдѣнія, имѣющія ближайшее отношеніе къ памѣчепному вопросу, не представляютъ собой лишь рядъ хронологическихъ уцорядоченныхъ фактовъ. Изображаемый въ нихъ въ полемическомъ отношеніи кругъ философскихъ идей и религіозныхъ чувствованій развивается въ историческомъ порядкѣ. Съ одной стороны и христіанство въ своемъ историческомъ осуществленіи раскрываетъ себя предъ эллискимъ міромъ съ различныхъ сторонъ, сначала обращая на себя вниманіе его только внѣшними своими проявленіями, а затѣмъ по-мѣрѣ своего распространенія среди культурнаго языческаго общества, все болѣе или болѣе обнаруживаетъ предъ нимъ свое внутреннее религіозное существо. Въ свою очередь и каждый эллискій полемистъ обсуждаетъ христіанство съ точки зрѣнія своихъ религіозныхъ и философскихъ воззрѣній, которыя тоже не остаются на своемъ мѣстѣ, а подлежатъ тому же процессу развитія. Почерпая свой исходъ сначала въ рядѣ внѣшнихъ поверхностныхъ наблюденій, объекты полемики постепенно измѣняются и переходятъ къ важнѣйшимъ вопросамъ бытія и жизни. Воспроизвести этотъ послѣдовательно-историческій процессъ развитія литературно-религіозной по-

¹⁾ Исключая Kellner, Hellenismus und Christenthum oder geistliche Reaction der antiken Heidenthums gegen Christenthum. Coln. 1866,—устарѣвшее до нашего времени, но не утерявшаго всякаго значенія, и ничтожной по содержанию брошюры: Alm'a, Die Urtheile heidnischen und jüdischen Schriftsteller der vier erster christliche Jahrhunderte über Jesus und die Christen. Leipzig 1864. Существующая на русскомъ языкѣ литература касательно памѣчепной темы исчерпывается отдѣльными трудами Алфіонова: „Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству. Казань и 1877 г. и Вяшнякова: „Императоръ Юліанъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла въ связи съ предшествовавшей исторіей литературной борьбы между христіанами и язычниками. Симбирскъ 1908 г. Цитируются только тѣ изслѣдованія, которые были подъ руками автора и изучены имъ.

лемнии между эллинизмомъ и христіанствомъ и составляетъ ближайшую задачу предлагаемаго здѣсь изслѣдованія.

I.

„Октовій“ Минуція Феликса, какъ первый полемическій опытъ.

1. Ненависть къ христіанскому имени и причины появленія ея. а) Столкновеіе между христіанами и язычниками на почвѣ религіозной; б) сепаратизмъ христіанъ въ отношеніи къ общественной жизни и его послѣдствія; в) коренное различіе въ самомъ понятіи о религіи. 2. Эпоха Антониновъ и ея значеніе въ исторіи римской имперіи и христіанства.— Появленіе первыхъ полемическихъ трудовъ противъ христіанства и ихъ хронологія.—Диалогъ Минуція Феликса „Октовій“ и его литературная концепція.—Фронтоны; его біографія и значеніе въ исторіи латинской литературы.—Мотивы, побудившіе Фронтона выступить противъ христіанъ.— Анализъ рѣчи Фронтона и историческая оцѣнка ея.

1) И языческіе писатели и христіанскіе апологеты единогласно свидѣтельствуяють, что первое появленіе и распространеніе христіанства въ греко-римскомъ обществѣ встрѣчено было со стороны послѣдняго единодушною ненавистью къ самому имени христіанъ. И эта ненависть не составляла собой принадлежности только низшихъ слоевъ общества, не способныхъ подняться на высоту религіозно-нравственныхъ требованій христіанства и по-своему перетолковывавшихъ особенности христіанской жизни и поведенія; она проникала собой все классы общества и однако сильно была какъ у простолюдина, готоваго вѣрять всякимъ грязнымъ рассказамъ о христіанахъ, такъ и у образованнаго римскаго чиновника, самолично изслѣдовавшаго вопросъ о новой сектѣ. Изъ языческихъ писателей, кажется, одинъ только Епиктетъ обмолвился добрымъ словомъ о христіанахъ, рекомендуя философамъ такое же отношеніе къ тиранамъ, какое они наблюдали у галлеяны 1). Все же прочіе писатели, которыхъ читали несравненно чаще, чѣмъ Епиктета, говорятъ о христіанахъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣніемъ и откровенною ненавистью. Такъ напр. Тацитъ,—этотъ либераль и моралистъ среди римскихъ историковъ,—безъ всякихъ оговорокъ, называетъ христіанъ „ненавистными за ихъ

1) Cp. Zahn. Der stoiker Epictet und seine Verhältniss zum Christenthum Erlangen und Leibzig 1895.

мерзости людми“ и самое христіанство ставитъ въ ряду тѣхъ „гнушенныхъ и безстыдствъ“, которыя отовсюду стекаются въ Римъ и здѣсь широко прилагаются къ дѣлу (Anall. XV, 44). Военскій чиновникъ Плиній, подъ пыткой допрашивавшій многихъ христіанъ, заявляетъ, что онъ ничего не нашеть у нихъ, кромѣ грубаго и безмѣрнаго суевѣрія ¹⁾. Въ сочиненіи Светонія, Апуллея и др. христіане изображаются, какъ зловредная безстыдная секта людей, для которыхъ нѣтъ ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ.—Со своей стороны и апологеты христіанства ни мало не скрываютъ, что общественное мнѣніе рѣшительно настроено противъ защищаемаго ими класса людей. „Вы ненавидите насъ, какъ самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ“,—говоритъ Тацитъ въ своей рѣчи къ эллинамъ (Or. ad Graec, c. 25). „Ненавидеть къ христіанскому имени,—вишеть Тертуліанъ,—у большинства людей такъ сильна, что они даже, хваля христіанца, вмѣняютъ въ преступленіе имя его, —*Kaif*,—говоритъ одинъ,—хотя и добродѣтельный человѣкъ, по христіанству!—„Удивительно, — замѣчаетъ другой,—какъ такой умный человѣкъ, какъ Юлій сдѣлался христіаниномъ (Apol. c. 3)“.—„Сколько разъ—продолжаетъ тотъ же апологетъ,—народъ бросать на насъ камнями и зажигать наши дома, даже труны христіанъ извлекаются изъ гробовъ, чтобы надругаться надъ ними (Ap. 1, 31).—Гдѣ же лежалъ источникъ этой всеобщей ненависти языческаго міра къ религіи любви и всепрощенія? Всею менѣ эту ненависть можно объяснить тѣми слухами о тайныхъ христіанскихъ собраніяхъ, какія широко распространены были въ греко-римскомъ обществѣ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Какъ извѣстно, христіанъ обвиняли въ яденіи человѣческаго мяса, подобно Тіесту и гнусныхъ кровосмѣшеніяхъ Эдиповскихъ (Athenag. Supplicatio pro christian., c. 4), но самые эти слухи, не будучи никѣмъ не провѣрены и ничемъ не доказаны, могли держаться въ языческомъ обществѣ, лишь благодаря ненависти къ христіанамъ, благодаря тому, что въ общественномъ мнѣніи христіане были людьми, способными на

¹⁾ Имѣется подъ руками лишь старое изученіе: Plinii Caecilii epistulae et panegyricus, ed. Christophori Cellarii. Lipsiae et Regiomont. 1761. Ep. XCVII, p. 610.

самыя отвратительныя преступленія (ср. Minuc. Fel. Octavius, с.с. 8—9). Не они объясняют ненависть, а ненависть объясняет ихъ. Вѣрнѣе смотритъ на дѣло Тертуліанъ, когда онъ причину ненависти къ христіанскому имени полагаетъ въ маломъ знакомствѣ языческаго общества съ христіанствомъ: „вы ненавидите насъ,—говоритъ этотъ писатель,—потому, что не знаете насъ (Apol. с. 1)“. Первые христіане,—христіане апостольскаго вѣка не чуждались язычникамъ: доступъ на богослужебныя собранія первенствующей церкви, повидимому, былъ открытъ какъ для вѣрующихъ, такъ и для невѣрующихъ, насколько это можно догадываться на основаніи посланія ап. Павла къ коринѳлянамъ (1 Кор. 14, 22—25). Но съ теченіемъ времени по недостаточности извѣстныхъ причинамъ,—вѣроятнѣе всего по примѣру тайныхъ религіозныхъ обществъ, весьма расплодившимся въ это время,—и христіанскія общины постепенно обращаются въ тайныя союзы и входъ на свои таинства открываютъ людямъ только посвященной вѣры и убѣжденія. „Посвященія въ наши таинства,—свидѣтельствуетъ тотъ же Тертуліанъ,—даже для благочестивыхъ людей сопряжено съ удаленіемъ непосвященныхъ (Ap. с. 7)“. Отсюда и внутренней строй христіанскихъ общинъ, ихъ церковная жизнь оставалась недоступной для язычниковъ и загадочной тайной. Кто ближе узнавалъ христіанъ и старался ознакомиться съ ихъ ученіемъ, тотъ въ концѣ концовъ дѣлался христіаниномъ (ср. Tertull. Ap. с. 1) и выходилъ изъ языческаго общества. Все же прочіе язычники могли судить о христіанахъ и христіанскомъ обществѣ лишь по тѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ, какія вызывало обращеніе въ христіанство новаго члена общества въ религіозной и общественной жизни, по тѣмъ признакамъ, какіе наиболѣе пагубно выдѣляли его изъ круга прежнихъ его соудей: а эти признаки, эти поступки оказывались такого рода, что необходимо влекли за собой рѣзкія столкновенія между язычниками и новымъ христіаниномъ и съ каждымъ новымъ шагомъ глубже вырывали пропасть, раздѣлявшую ихъ понятія и чувства. Ближе и естественнѣе всего христіанское и языческое общество становилось между собою на почвѣ религіозной. Отвергая прежнихъ боговъ и принимая христіанство, язычникъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергалъ и свое прежнее общество, противопоставлялъ его себѣ: суще-

ствовавшія прежде добрыя отношенія нарушалась и вмѣсто ихъ устанавливались взаимная недобвѣрчивость и недовольство. Настаетъ семейное торжество, онъ не можетъ принимать въ немъ участіе, такъ какъ оно связано съ отвергаемыми имъ религіозными церемоніями; случается несчастіе или смерть,—христианинъ, членъ семьи опять держится въ сторонѣ, потому что и здѣсь препятствуютъ соучастію его религіозные обряды. Вотъ почему,—какъ выражается Тертуліанъ,—мужъ, уже неревнивый прогоняетъ жену, уже вѣрную: отецъ, прежде спсходившій къ своему сыну, теперь отказывается отъ него, уже послушнаго: господинъ, нѣкогда кроткій, прогоняетъ раба, теперь уже вѣрнаго. Если только кто дѣлается лучшимъ, благодаря имени христианина, то тотчасъ же возбуждаетъ къ себѣ ненависть (Apol. с. 31). Если бы, впрочемъ, принятіе язычникомъ христианства влекло бы за собой только одно пассивное отверженіе боговъ, выражавшееся въ отказѣ новообращеннаго участвовать въ принятыхъ формахъ культа, то христиане никогда не вызвали бы къ себѣ той горячей ненависти, о которой свидѣтельствуютъ греко-римскіе писатели. Язычникъ по самой своей природѣ толерантенъ: для него совершенно безразлично, почитается-ли съездъ одного или двадцать одного бога, поклоняется-ли онъ Юпитеру, Серапсеу или Христу. Въ эпоху распространенія христианства всѣ наиболѣе видные города римской имперіи были наполнены проповѣдниками всевозможныхъ религій, сходящихся съ азіатскаго Востока и изъ Египта и пользовавшихся большимъ успѣхомъ среди городского населенія, однако ни эти проповѣдники, ни ихъ размножавшіеся послѣдователи не могли пожаловаться на ненависть мѣстнаго населенія. Это различіе въ народныхъ чувствахъ къ проповѣдникамъ другихъ религій и христианства объясняется тѣмъ отношеніемъ, въ какое по самому существу своей вѣры христиане ставили себя къ языческимъ религіямъ. Христианство, какъ и всѣ монотеистическія религій, требовало отъ своихъ недовѣдниковъ не только разрыва со своими прежними вѣрованіями, не только полного и совершеннаго отреченія отъ нихъ, но и обязывало бороться съ ними, преслѣдовать и искоренять ихъ, какъ ложь и заблужденіе. И первые христиане свято исполняли эту свою обязанность. Одушевленные чувствомъ, нѣкогда, высказан-

нымъ ап. Павломъ: горе мнѣ, аще не благовѣствую!—они и въ литературѣ и жизни энергично боролись съ язычествомъ, пользовались всѣми удобными средствами, чтобы облечить ихъ ложность и нелѣпость. Если уже простой отказъ участвовать въ почитаніи общепризнанныхъ боговъ порождалъ рознь и отчужденность между язычникомъ и христіаниномъ, то борьба противъ языческихъ боговъ необходимо вызывала вражду и ненависть противъ нихъ, которая становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе христіане выступали противъ боговъ. Язычники еще могли помириться съ предпочтеніемъ, оказаннымъ его сосѣдомъ чужому богу предъ отечественнымъ, но не могли допустить порицанія своему богу и религіозному чувству. Поэтому, и христіанинъ въ его глазахъ былъ не только атеистомъ—*безбожникомъ*, отвергающимъ принятый культъ, но и атеистомъ—*противобожникомъ*, презрителемъ и врагомъ боговъ; христіанинъ не только пренебрегалъ богами, но оскорблялъ ихъ, и тѣмъ навлекать ихъ гнѣвъ на людей, страну и государство. Поэтому-то въ минуты общественныхъ бѣдствій, когда голосъ народной совѣсти говорилъ особенно громко, народная ненависть разрѣшалась яростнымъ порывомъ противъ христіанъ и всюду слышались крики: долой безбожниковъ! „Христіане—чинить Тертуліаншъ,—поставляются причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій: разольется-ли Тибръ, Ниль-ли не орошитъ полей, случится-ли землетрясеніе, голодъ, моровая язва, каждый кричитъ: христіанъ ко львамъ (Ар. с. 40).

Не менѣе неблагоприятное впечатлѣніе оставляли христіане въ языческомъ мірѣ и своими отношеніями къ общественной жизни. Общественная жизнь чрезвычайно была развита въ древнемъ мірѣ: большую часть времени грекоримскій гражданинъ проводилъ внѣ дома, на форумѣ, въ пріемной вліятельныхъ лицъ, въ амфитеатрѣ. Общественныя учрежденія и формы жизни въ его глазахъ имѣли такое важное значеніе, что лучшіе умы древности безъ колебанія отдавали имъ въ жертву свободу человѣческой личности. Въ понятіяхъ того времени человѣкъ прежде всего *ζῶον πολιτικόν*, существо общественное, обязанное всѣ силы свои приносить на служеніе обществу. Все, что составляло собой общественное достояніе, наука, искусство, литература и проч. все это освящалось особеннымъ блескомъ и становилось предметомъ

благоговѣйнаго почти религіознаго почитанія. Поэзія была учительницею боговъ, театр—ихъ храмомъ; каждое общественное учрежденіе стояло подъ покровительствомъ какого-либо бога и каждое постановленіе и предпріятіе совершалось съ призваніемъ божественныхъ силъ. Римское правительство хорошо понимало эту привязанность народа къ общественнымъ учрежденіямъ и прекрасно умѣло пользоваться ею въ своихъ цѣляхъ; когда политическія права были отняты у населенія, оно успѣло замѣнить недостатокъ государственныхъ интересовъ общественными удовольствіями. Подъ владычествомъ Рима цирки, амфитеатры, разнаго рода церемоніи и тріумфы достигли блестящаго развитія: устраивались особые праздники, возводились громадныя зданія, развалины которыхъ и теперь удивляютъ путешественниковъ, тратились громадныя суммы для развлеченія публики. Въ предумышленіи общественныхъ увеселеній правители имперіи видѣли не только легкое средство для популярности, но и серьезный долгъ своего положенія: постройка папир. роскошныхъ банъ считалась великой общественной заслугой и тщательно заносилась хронистами въ лѣтописи на поученіе грядущимъ поколѣніямъ.—Какъ же поставили себя христіане въ отношеніи къ этой особености древней жизни? Христіане не только порвали связи съ обществомъ, но и открыто заявляли, что эти связи не имѣютъ для нихъ ни малѣйшей цѣнности. „Мы странники и пришельцы на землѣ—говорили они“, и наше отечество не здѣсь, а на небесахъ. „Наша надежда устремлена не къ настоящему“,—говоритъ Іустинъ философъ (Ap. I, 11); „мы презираемъ здѣшнія житейскія дѣла“,—заявляетъ Аѳинагоръ (Suppl. с. 33). Сепаратизмъ христіанъ въ области общественной жизни особенно сильно давалъ себя чувствовать въ первыя времена христіанства, когда въ церкви распространено было ожиданіе скораго пришествія Христа и близкой кончины міра. Зачѣмъ заботиться о мірскихъ дѣлахъ, когда не сегодня—завтра міръ и все, что въ немъ сгоритъ и настанетъ новое блаженное царство! Но и послѣ того, какъ ослабленіе этой увѣренности въ близкой кончинѣ міра, повлекло за собой нѣкоторое сближеніе между язычниками и христіанами, послѣдніе продолжали чуждаться многихъ сторонъ общественной жизни, находя ихъ несовмѣстимыми съ своимъ религіознымъ сознаніемъ.

Христіане вообще не могли высоко ставить блага и учрежденія языческаго общества уже по одному тому, что въ ихъ понятіяхъ все это тѣсно связывалось съ презираемой ими языческой религіей, но нѣкоторые изъ христіанъ переступали въ этомъ случаѣ границы благоразумія, оказывались мелочно ценетельными или выражали свое пренебреженіе въ формахъ крайне рѣзкихъ и для язычниковъ оскорбительныхъ. Они не находили ничего достойнаго, одобрительнаго ни въ поэзи, ни въ философіи, ни въ прошлой исторіи того общества, среди котораго они жили. „Ваша мудрость—болтуня, собраніе ласточекъ, исказители искусства (Tat. or., с. I): ваши поэты льстецы; ваши книги подобны лабиринтамъ, а читающіе ихъ бочками Данаидъ (ibid. с. 26)“,—говоритъ Таціанъ, обращаясь къ язычникамъ. — „Все, что римляне имѣютъ, чѣмъ владѣютъ и пользуются,—иниеть Минуцій Феликсъ,—все это добыча ихъ дерзости, все храмы воздвигнуты изъ пограбленнаго имущества, ограбленія боговъ, умерщвленія священниковъ (Oct. с. 25)“.—Какое будетъ обширное позорище,—восклицаетъ Тертуліанъ,—говоря о второмъ приниствіи, какой для насъ *предлогъ къ радости и удовольствію*, когда множество знаменитыхъ государей, почитавшихся за царей неба и земли, станутъ наполнять воздухъ вздохами среди мрачныхъ пропастей ада, когда множество гордыхъ философовъ, славившихся именемъ мудрецовъ, будутъ покрыты стыдомъ и преданы огню въ прицетствіи своихъ учениковъ (De Spect. с. 30)!“—Разматривая все явленія общественной жизни въ связи съ идолопочитаніемъ, христіане отказывались отъ самыхъ простыхъ и самыхъ певпныхъ занятій, отрекались отъ всякаго проявленія общественнаго чувства тамъ, гдѣ оно встрѣчалось съ какимъ-либо отдаленнымъ намекомъ на языческихъ боговъ. Военную службу многіе изъ нихъ считали не соответствующею заповѣдямъ любви, и въ дезертствѣ не видѣли ничего позорнаго; отказывались отъ несенія гражданскихъ обязанностей, не принимали участія въ общественныхъ празднествахъ и играхъ, не украшали дома вѣнками и свѣтильниками въ дни общихъ торжествъ, запрещали учиться даже музыкѣ и живописи и содержать школы, такъ какъ и это послѣднее занятіе стояло въ связи съ язычествомъ, требуя отъ учителя объясненія и генеалогіи боговъ. „Мы никогда не мѣшаемся въ общественныя

дѣла,—пишетъ Тертуліанъ,—мы безъ труда отказываемся отъ вампирь зрѣлищъ; исполненные презрѣнія ко всему, что въ нихъ происходитъ, мы приходимъ въ ужасъ отъ суетвѣрій, которыя ихъ порождаютъ. У насъ нѣтъ ничего общаго ни съ мерзостями театра, ни съ нечестностями цирка, ни съ безумствомъ гимназій (Аpol. с. 37). Отчужденіе отъ языческаго общества, вызываемое и оправдываемое религіозными соображеніями, такимъ образомъ, перѣдко переходило въ прямую враждебность къ установленнымъ порядкамъ жизни и въ глазахъ современнаго имъ общества дѣлало ихъ «врагами законовъ, нравовъ и природы». Христіане казались ему презрительными всякаго общезнѣтія, несправедливыми рода человеческого, какими-то ингилистами, ничего не признающими и ничѣмъ недорожающими. «Вы совершенно бесполезны для всякой общественной жизни»:—говорили язычники, по словамъ Тертуліана, христіанамъ (Ар. с. 42). По сужденію ритора Аристиды, писавшаго во 2-мъ вѣкѣ: «христіане это люди, для которыхъ нѣтъ ничего высокаго. Самы будучи презрѣнными, они презираютъ другихъ; прославляютъ добродѣтель и не дѣлаютъ ее, процоувѣдуютъ воздержаніе и ведутъ порочную жизнь». Какъ христіанить въ самомъ невинномъ обычаѣ язычника влѣдѣть своего рода цолошюклошество и распутство, такъ и его противники въ свою очередь перетолковывали и объясняли все поступки христіанъ скрытыми дурными намѣреніями. «Безстыдство,—говорить тотъ же Аристидъ,—они называютъ свободой, возмутительные рѣчи—безстрашіемъ: неспособные оказать содѣйствіе какимъ-либо полезнымъ дѣланъмъ, они мастерски умѣютъ подкопаться подъ семейное благосостояніе и раззорить домохадцевъ. Ни одно ихъ слово, ни одна ихъ мысль не приноситъ добра: они не участвуютъ въ городскихъ совѣтахъ, ни утѣшаютъ печальныхъ, ни примиряютъ спорящихъ: они забиваются по угламъ и тамъ, должно быть говорятъ разумно»¹⁾. Такъ понимали христіанство его раннѣйшіе современники. Чего же они должны ждать отъ тайныхъ христіанскихъ собраний? Они, со своей точки зрѣнія, резонно и искренно были убѣждены, что тайна, окружающая этихъ презрѣнныхъ людей.

¹⁾ См. Neumann. Die Romische Staat und die allgemiene Kirche, I, Leipzig, s. 35—36.

должна скрывать подъ собой дѣла, достойныя этого общества. „Похвальныя дѣла совершаются открыто и скрываются только дѣла преступныя“,—говоритъ язычникъ Цецилія у Мишциія Феликса. И вотъ почва оказалась вполне подготовленною для распространенія разсказовъ о ужасныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ на христіанскихъ собраніяхъ.

Наконецъ, по самому существу и способу своего происхожденія христіанская религія должна была вызывать въ умахъ своихъ современниковъ рядъ недоумѣній, которыя если не влекли за собой прямой ненависти ихъ къ христіанамъ; то просто ставила ихъ религіозную мысль втупикъ: да что это за явленіе и можетъ-ли оно быть зачислено въ разрядъ религій?—Въ современный ему міръ христіанство явилось какъ религія новая въ безусловномъ и исключительномъ смыслѣ: никакого прошлаго возвеличивающаго авторитетомъ святой старины оно за собой не имѣло: не было оно привязано и ни къ какой опредѣленной паціи, ни къ какому географическому пункту. Оно совсѣмъ не подходило подъ установленнаго у греко-римскихъ народностей понятія о религіи и въ этомъ отношеніи не могло идти ни въ какое сравненіе не только съ данными на лицо греко-римскими культами, но даже съ іудействомъ. Какъ бы мало язычникъ не понималъ іудейское вѣроученіе, сколь бы омерзительными не представлялись ему нѣкоторые обряды іудейства, онъ все-таки не могъ отказать ему въ одномъ признаніи,—въ признаніи за нимъ положительной формы богопочтанія. Іудейство въ глазахъ язычника было и оставалось религіей въ собственномъ смыслѣ; въ немъ онъ находилъ все признаки, присутіе дѣйствительной религіи, и если иногда негодовалъ на іудея за его презрѣніе къ языческимъ богамъ, то все же помнилъ, что іудей имѣетъ своего бога, молится ему и этимъ обеспечиваетъ для земли долю небснаго благоволенія. Не то открылось языческой религіозной мысли, когда она встрѣтилась съ христіанствомъ. Христіанство не содержало въ себѣ не одного изъ тѣхъ признаковъ, какимъ въ сознаніи язычества опредѣлялось понятіе религіи, отрицало это понятіе и отвергало его. Все другія религіи укладывались въ опредѣленныя національныя и территоріальныя рамки, учили о богахъ извѣстнаго народа и извѣстной мѣстности, имѣли, такъ сказать, свой опредѣленный національный и террито-

риальный паспортъ. Въ христіанствѣ же ничего подобнаго не наблюдалось: оно не принадлежало одному народу; не допускало пространственнаго ограниченія и учило о Богѣ (Христѣ), о Которомъ ничего не знала древность. Всѣ другія религіи владѣли матеріальнымъ культамъ или, точнѣе сказать, воплощались въ немъ, у христіанъ же (на первыхъ порахъ) не было ни храмовъ, ни жертвъ, ни куреній и никакого изображенія божества, то есть, не было того, въ чемъ язычники и полагали сущность религіи. Обычная просьба язычника къ христіанину: „покажи мнѣ своего бога“, выражала собой не одну только наивность религіознаго сознанія: она свидѣтельствовала о глубокой религіозной розни, раздѣлявшей язычество и христіанство, показывала, что христіанство несомѣстимо съ языческими религіозными понятіями, не подходило подъ ту мѣрку, какая предлагалась въ язычествѣ къ религіямъ. Эта радикальная противоположность, наблюдаемая въ самой концепціи понятія о религіи, вырывала болѣе глубокую пропасть между эллинизмомъ и христіанствомъ, чѣмъ ненависть его къ христіанскому имени, которая по самому существу дѣла должна была оказаться явленіемъ скоро переходящимъ. Внутреннее содержаніе христіанства, какъ религіи, долгое время оставалось сокрытымъ предъ языческимъ міромъ во всей своей религіозной цѣльности, пока сама христіанская церковь не приняла формы, родственныя эллинизму. — Всѣ боги Рима и Греціи имѣли свою генеалогію крайне несложную, всѣми понятную и близко напоминающую собой процессъ человѣческаго пропехожденія. Откуда же получило начало христіанство, кто былъ его основателемъ и какъ нужно думать о немъ — вотъ вопросъ, который болѣе занимать собой эллинистичeskихъ полемистовъ, такъ какъ личностью основателя религіи опредѣляется и достоинство созданной имъ религіи. Породивъ собой сначала рядъ легендъ и мифовъ, онъ затѣмъ привлекъ къ себѣ лучшія силы эллинистическаго духа и сдѣлался неходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи самого вопроса о сущности христіанской вѣры.

2. Второй вѣкъ христіанской эры въ исторіи римской имперіи открывается годами, которые всѣми историками единогласно признаются одной изъ самыхъ счастливыхъ и самыхъ цвѣтущихъ. Если бы кого-нибудь спросили, говорить Гиббонъ, въ теченіи какого періода всемірной исторіи

человѣчество наслаждалось наибольшимъ миромъ, то онъ безъ малѣйшихъ колебаній долженъ былъ назвать тотъ промежутокъ времени, который прошелъ отъ смерти Домиціана до восшествія на престолъ Коммода (92—180 г. ¹⁾). По фамильному имени императоровъ, занимавшихъ тронъ имперіи за это время, и самый періодъ получилъ въ исторіи названіе эпохи Антониновъ. Всѣ преемники династіи Антониновъ (Неронъ, Траянь, Адрианъ, Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій, за исключеніемъ послѣдняго изъ Антониновъ Коммода), оставили по себѣ у позднѣйшихъ поколѣній память лучшихъ, несравненныхъ императоровъ, *optimi caesares*. Не имѣя потомства, они ввели въ дѣйствіе систему усыновленія, при чемъ замѣчательнѣйшимъ образомъ выборъ ихъ въ общемъ падалъ на достойныхъ. Своею цѣлю они поставили поддержку старыхъ традицій, оживленіе древнихъ учрежденій, не исключая и сената и управляли подвластными Риму народами на пачахъ гуманности и справедливости. Подъ благотворнымъ вліяніемъ этихъ императоровъ римская общественность испытала сильный подъемъ во всѣхъ направленіяхъ. Самы Антонины были людьми вполне интеллигентными, умѣвшие высоко цѣнить блага цивилизаціи и поощрившіе все клонившееся къ общественной пользѣ и развитію. Наука, искусство, литература и законодательство еще разъ разцвѣли при нихъ пышнымъ цвѣтомъ на почвѣ классической, — расцвѣли послѣдній разъ, чтобы потомъ на долго увянуть ²⁾). Народы любили своихъ гуманныхъ и справедливыхъ правителей: привѣтствуя новопоставленнаго императора, римляне до IV вѣка употребляли такую фразу: „будь счастливѣе Августа и добрѣе Траяна ³⁾). Таково было значеніе эпохи Антониновъ въ исторіи римской имперіи.

И во внутренней исторіи христіанской церкви она оставила по себѣ глубокознаменательныя слѣды: при Антонинахъ церковь пережила событія великой важности, положившія основаніе къ дальнѣйшему развитію ея. Общее оживленіе умственныхъ интересовъ, наблюдаемое въ эпоху Антониновъ, сказалось

¹⁾ Gibbon. The history of the decline and fall of Roman Empire, ed. Burg, London 1900, t. I, p. 78.

²⁾ Ср. Gibbon, cit., I, Chapt. 1—11.

³⁾ Gibbon, I, 1, 75.

и въ христіанствѣ появленіемъ ряда гностическихъ ученій, — замѣчательнаго порожденія религіозно-философскаго творчества древности. Изъ церковной среды выходятъ знаменитѣйшіе апологеты, какъ Іустинъ, Таціанъ и Аванаторъ, которые не только на философскихъ основаніяхъ защищаютъ права христіанской религіи, но и дѣлая оцѣнку всей языческой культурѣ, систематизируютъ христіанское вѣро-и-правовученіе. Въ церкви зарождается богословская наука, намѣчаются основныя направленія ея и полагается фундаментъ къ построенію догматики. Богатыя задатки, хранившіеся внутри христіанскихъ общинъ, развиваются во всѣхъ направленіяхъ, поражая своею свѣжестью и энергичностью. Выдающіеся люди христіанскаго міра предпринимаютъ далекія путешествія съ цѣлью ознакомиться съ прочьшимъ и настоящимъ состояніемъ христіанства. Эгезинъ обходитъ восточныя и западныя церкви, собирая преданія для своего историческаго труда; малоазійскій Полликартъ является въ Римъ, чтобы засвидѣтельствовать братское общество. Начинается разработка чисто церковныхъ вопросовъ по поводу монотаннизма. На эту богатую содержаніемъ эпоху падаетъ первая церковная исторія, первые соборы и первая попытка установленія закона священныхъ книгъ. Христіанство сбрасываетъ съ себя целену іудейства, скрывавшую его отъ взора наблюдателей въ теченіе всего перваго вѣка, и возстаетъ предъ языческимъ міромъ во всемъ своемъ ростѣ, какъ новый и самостоятельный религіозный фактъ, требующій себѣ опредѣленнаго отношенія отъ государства и общества. Вотъ почему и первые полемическіе труды, направленные противъ христіанства, падаютъ именно на это время, — на эпоху Антонинъ и, — замѣчательный фактъ! — именно теперь на историческую сцену разомъ и почти одновременно. Три писателя: Фронтонъ, Лукіанъ и Цельсъ, и каждый изъ нихъ обсуждаетъ христіанство съ своей точки зрѣнія. Установить какое-либо внутреннее средство или связь между ними или зависимость одного отъ другого — невозможно: даже хронологическое взаимоотношеніе ихъ не поддается точной датировки. Объя опредѣляетъ смерть Фронтона 170 1), 168 — 172 годомъ.

1) Aube. Histoire des persécution de l'église La polemique paienne a l'ien du II siècle. Dexième editon, Paris, 1878 p. 74. 91.

Бэнигъ относить къ 175 г. по Р. X. ¹⁾, Любкеръ—къ 170 г., и наконецъ Бэръ ²⁾ къ 165—164 г. Хронологическое затрудненіе увеличивается еще тѣмъ, что время жизни автора діалога „Октавіи“, въ которомъ Фронтонъ выступаетъ подъ именемъ Цецилія, не поддается точному опредѣленію. Всѣ свѣдѣнія, какими обладаетъ наука о Минуціи Феликсѣ, сводятся къ тому, что рожденный въ язычество онъ обратился въ христіанство, получилъ считаемое въ то время достаточнымъ образованіе и исполнялъ въ Римѣ должность адвоката, такъ что и опредѣленіе времени его жизни зависитъ отъ датировки діалога. Къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе прочнымъ заключеніямъ можетъ вести, падѣясь, найденныя Dessau въ Циртѣ (Нумидіи), въ которой между 210—217 г. по Р. X. значится *praefectus quinquennalis Marcus Caecilius Quinti filius Natalis* (префектъ Маркъ Цециліи, сынъ Квинта Наталія ³⁾), а такъ какъ и Цециліи Наталіи, ведущій разговоръ въ діалогѣ Минуція Феликса происходилъ родомъ изъ Цирты и носилъ имя Квинта, то отсюда легко было бы префекта Цецилія отождествить съ фигурирующимъ въ „Октавіи“ язычникомъ и потомъ обратившимся въ христіанство, но при этомъ предположеніи діалогъ долженъ будетъ имѣть мѣсто послѣ 210 г. Тертуліанъ, во многихъ частяхъ своей апологіи воспроизводящей Минуція Феликса и составившій этотъ свой трудъ около 200 года, не могъ бы пользоваться діалогомъ Минуція. На болѣе вѣрный путь встаетъ издатель діалога Вахренс (Leipzig 1886), утверждающій, что бывшій префектъ М. Цециліи Наталіи не самъ велъ бесѣду съ Минуціемъ и не былъ отцомъ этого диспутанта, но является сыномъ Цецилія, бесѣдовавшаго съ Октавіемъ и обратившаго его въ христіанство. Отсюда и время составленія Минуціемъ Феликсомъ своего діалога можетъ быть опредѣлено 180—200 г. ⁴⁾.—Лукианъ родился около 120 года и жилъ еще при императорѣ Коммодѣ (180—190) ⁵⁾: литературная

¹⁾ Любкеръ Реальный словарь классической древности (переводъ Модестова) СПб. Москва 1884, стр. 412.

²⁾ *Vaenig. Herzog—Nauck. Real—Encycl.* 3 Aulel. 13 t., s. 87.

³⁾ *Bähr. Geschichte romische Literatur.* 4 Aufl. 2 15. Carlsruhe, 1869, s. 624.

⁴⁾ *Dessau. Über einige Inschriften aus Citra.* (Hermes, XV (1880, 471—474).

⁵⁾ Ср. Проф. В. Болотовъ. Лекціи по исторіи древней церкви. Введеніе въ церковную исторію. СПб. 1907 г. стр. 110.

⁶⁾ *A. Harnack, Herzog—Nauck, R—Encycl.* t. XI, s. 610.

же дѣятельность Цельса и время появленія его „Истиннаго слова противъ христіанъ“ падаетъ на 177—188 г. правленіе Марка Аврелія ¹⁾. Хотя хронологія и налагаетъ на историка неопределимые узды, тѣмъ не менѣе существуютъ вопросы, которые очень трудно вмѣщаются въ хронологическіе рамки, такъ какъ они стоятъ выше всякихъ физическихъ измѣреній—это вопросы мысли и научнаго творчества два литературныя дѣятеля могутъ создавать свои труды въ одно и то же время, но возможна такъ сказать логическая хронологія мысли, дающая пѣкоторое право историкѣ мысли распредѣлять ея продукты по мѣрѣ углубленія ихъ въ изучаемый вопросъ. Мы предпочитаемъ такой порядокъ: Фронтонъ, Лукіанъ и Цельсъ.

Фронтонъ въ роли противо-христіанскаго полемиста выступаетъ предъ нами въ діалогѣ „Октавій“, дошедшемъ подъ именемъ Минуція Феликса. Дѣйствующими лицами здѣсь являются Октавій, уже умершій другъ Минуція Феликса, самъ авторъ, скрывающійся подъ именемъ Марка и Цецилій, несомнѣнно замѣняющій здѣсь Фронтонъ.

Детальное изученіе діалога Минуція Феликса давно уже показало, что онъ созданъ подъ сильнымъ воздействием двухъ важнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей 1-го вѣка, Цицерона съ его сочиненіемъ „О природѣ боговъ“, предпрѣдлѣннымъ не только внѣшнюю форму его, но и значительную часть содержанія, и подъ влияніемъ Сенеки съ его разнообразными твореніями ²⁾. Уже самая внѣшняя конструкція его предвосхищена діалогомъ Цицерона; здѣсь разуждають между собой о природѣ боговъ трое: академикъ Котта, эпикуреецъ Веллій и стоикъ Бальбъ, при чемъ Цицеронъ присутствуетъ при началіи спора въ качествѣ молчаливаго слушателя ³⁾. Окончательный результатъ, къ какому приходитъ диспутъ, формулируется Цицерономъ. Веллій при-

¹⁾ Neumann, *ibid.*, t. III, s. 773.

²⁾ См. основательную старую диссертацию Le-Nourry, мавританскаго монаха, приложенную къ изданію Минуція Феликса, сдѣланному въ Migne, *Patrologia lat.* t. III, pp. 371—652. Behr. *Der Octavius Minucius Felix in seinem Verhältniss Ciceron's de natura deorum.* Gera. 1870.—Burger, *Minucius Felix und Seneca*, München. 1904.

³⁾ M. Tullii Ciceronis opera, quae supersunt omnia et cet. ed. J. Orellius tom. IV, pars. 2. Turici, 1828, 110. 1. 6. p. 12.

соединяется къ мнѣнію академиковъ, Цицеронъ высказывается въ пользу стоическнхъ воззрѣній Бальбъ ¹⁾. На сценѣ діалога Минуція Фелікса дѣйствуютъ три лица: Фронтонъ защищаетъ язычество и нападаетъ на христіанъ; Октавій—адвокатъ христіанства, а Маркъ молча выслушиваетъ пренія диспутантовъ и наконецъ въ качествѣ третейскаго судьи высказываетъ приговоръ. Далѣе: Цицеронъ встрѣчается въ Римѣ въ праздничный день (*feria Latina*) со своимъ другомъ Коттой, видя его диспутирующимъ съ епикуреицемъ Виллеемъ и стоикомъ Бальбомъ и избирается въ качествѣ безпартийнаго зрителя въ судьи ²⁾. Почти то же наблюдается и въ разсказѣ Минуція Фелікса. Маркъ, въ наставніе свободные часы послѣ судебныхъ занятій, прогуливается по берегу моря вмѣстѣ съ Октавіемъ въ Римѣ и Цециліемъ. Послѣдній, замѣтивъ статую Сераписа поднесъ руку къ губамъ и напечатлѣлъ на пальцахъ поцѣлуй (*Oct. c. I—IV*). Октавій тотчасъ же предложилъ начать обсужденіе по дѣламъ вѣры. И здѣсь, такимъ образомъ, совершенно случайное совпаденіе вещей, даетъ поводъ къ диспуту, при чемъ Маркъ здѣсь играетъ ту же роль, что и Цицеронъ въ діалогѣ „О природѣ боговъ“. Не смотря на то, что Цицилій въ концѣ диспута заявилъ, о полной побѣдѣ надъ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ (т. е. готовности отречься отъ язычества и принять христіанство) онъ испрашиваетъ еще день отсрочки (*c. 41*). И у Цицерона стоитъ Бальбъ требуетъ у академика Котты день отсрочки, чтобы затѣмъ еще продолжать диспутъ ³⁾.

Въ диспутѣ, описываемомъ Маркомъ Феліксомъ, первый выступаетъ на сцену Фронтонъ, который въ діалогѣ несомнѣнно замѣняетъ Цецилія ⁴⁾. Фронтонъ, пронеходившій изъ Цирты (въ Нумидіи) ⁵⁾, прибылъ въ Римъ при императорѣ

¹⁾ Cicero. cit. op. 106. III. 40 p. 121.

²⁾ *ibid.* p. 12.

³⁾ *ibid.* III, 40; p. 121.

⁴⁾ *Octav. c. X*: объ этомъ говорятъ всѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ рѣчь Циртинскаго оратора; ср. с. XXXI. Октавій по адресу Цицилія: „объ этомъ и твой Фронтонъ“.

⁵⁾ M. Cornelii Frontonis et M. Aurelii imperatoris epistulae. L. Ueri et Antonini pii reliquiae etc. c. ed. Angelo Majo, Romae: 1823. Nieburgius. Cornelii Frontoni reliquiae et M. Aurelii. Berolini, 1816. Naber. M. Cornelii

Адрианъ и послѣдовательно прошелъ курсъ высшихъ должностей, состоялъ триумвиромъ, квесторомъ (единомъ) ¹⁾, два раза консуломъ и сенаторомъ ²⁾: въ концѣ жизни ему предназначалось проконсульство въ одной изъ азіатскихъ провинцій, но неожиданная болѣзнь задержала его въ Римѣ, гдѣ онъ и скончался ³⁾. Родившійся въ царствованіе Домциана, онъ при Маркѣ Авреліи самъ называетъ себя старикомъ, утомленнымъ продолжительною жизнію. Самымъ блестящимъ временемъ его жизни и дѣятельности явились тѣ годы, когда онъ былъ приглашенъ императоромъ Адрианомъ въ Римъ состоять воспитателемъ при Антонинѣ Пій, тогда бывшимъ еще мальчикомъ ⁴⁾ и оставался ученикомъ и воспитателемъ Антонина Пія и Марка Аврелія. Сохранившіяся до нашего времени письма императора - философа, и отчасти Антонина Пія достаточно ясно показываютъ не только ихъ дружеское, чисто братское взаимоотношеніе, но и то уваженіе и почтеніе, какое питалъ М. Аврелій къ своему учителю и наставнику. Любовь и почетъ, какимъ онъ стремился окружить Фронтоня, выразился наглядно въ томъ, что онъ самъ ходатайствовалъ предъ сенатомъ о постановкѣ Фронтону статуи на улицахъ Рима. Извѣстно также, — что изъ всѣхъ многочисленныхъ своихъ учителей онъ предпочиталъ Фронтону ⁵⁾.

Прекрасно образованный, но не совсѣмъ чуждый честолюбія, Фронтонъ, какъ ораторъ и придворный учитель, въ исторіи латинской литературы занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ не только въ теченіе своей жизни обладалъ многочисленными учениками, но оставилъ по себѣ особую школу, получившую имя фронтоніанъ. Риторъ вызывавшій, у нѣкоторыхъ своихъ

Frontonis et M. Aurelii epistolae (L. Veri et Antonini Pii et Appiani epistolarum reliquiae (переработанное изданіе Мая): Lipsiae 1867. (Считаемъ своимъ долгомъ выразить свою благодарность многоуважаемому профессору Сергѣю Ивановичу Соболевскому за доставку мнѣ этихъ необходимыхъ изданій изъ Университетской библиотеки). *Berlin. Geschichte römischer Literatur. Carlsruhe, 1869. 3 auf., ss. 628—646. Nicolai. Geschichte d. römischen Literatur. Magdeburg, 1861.*

¹⁾ Aube cit. op. p. 74.

²⁾ Nieburgius, XXIII.

³⁾ *ibid.*, XXII.

⁴⁾ *ibid.*, XII.

⁵⁾ Iulii Capitolini, Vita M. Aurelii philosophi, p. 45.

последователей восторженные похвалы, какъ наилучшій и добросовѣстный учитель, человѣкъъ эlegantнаго сужденія ¹⁾, онъ жилъ въ эпоху перерожденія латинской литературы. Съ выступленіемъ въ римскую исторію принципата, риторика и ходячая философія стояли на поворотномъ пути и, подпадая подъ зависимость отъ благосклоннаго усмотрѣнія императоровъ, постепенно теряли свой стойкій и независимый духъ. Началось отдѣленіе римскаго образованія отъ греческаго; главнѣйшія научныя и духовныя силы сосредоточивались въ Греціи и малой Азіи и здѣсь достигли цвѣтущаго положенія. Римъ мало-по-малу терялъ свое господствующее положеніе и открывалъ полную возможность для выступленія въ область литературной дѣятельности африканцамъ и позднѣе галликаанцамъ. Въмѣстѣ съ уменьшеніемъ литературныхъ силъ въ столицѣ и съ возрастающимъ вліяніемъ чужеземнаго элемента, римская литература теряла свою національную окраску и своеобразность. Творческій духъ, самостоятельность и сила, правильность и эlegantность стilia, характеризовавшія собою литературу перваго столѣтія, исчезли и никогда не возвращались. Выступали новые писатели, стремившіеся устранить недостатки и односторонности серебрянаго вѣка латинской литературы, создать умѣренность, улучшение и дальнѣйшее преобразование латинскаго языка, встать на новый путь архаизма, памфлетнаго въ правленіе еще Адриана. Однимъ изъ выдающихся представителей этого направленія и былъ Фронтонъ. У него у перваго во всей силѣ наблюдается провинціальная манера писательства, фантазерство, цестрый и тяжеловѣснѣйшій стиль и аффектированныя и высококомѣрныя фразы, выраженія и обороты, замѣтовавшія изъ стараго Катона, Пласти, Еннія, Саллюстія и другихъ ²⁾. Человѣкъъ обычнаго уровня, не обладавшій какими-либо особыми выдающимися талантами, онъ пріобрѣлъ высокое значеніе въ исторіи римской литературы. Онъ опредѣлялъ риторику, какъ всеобнимающую науку, отъ благоденствія которой должны питаться все остальные, но эту риторику онъ понималъ не въ прежнему свободномъ и независимомъ духѣ, а съ педантичностью ограниченности устныхъ курсовъ обученія и публич-

¹⁾ Nicolai, cit. op. 5, 448.

²⁾ Nicolai, cit. op. 6, 743.

выхъ лекцій, какъ они практиковались въ школахъ. Дѣйствуя во время упадка литературнаго вкуса, когда она лишлась выдающихся вождей и погрузилась въ безплодность и, пренебрегая своими великими предшественниками, Фронтонъ всё литературныя занятія и продукты хотѣлъ поставить подъ авторитетомъ древности ¹⁾. Таковъ былъ Фронтонъ, какъ литературный дѣятель.

Къ сожалѣнію его политическія и религіозныя воззрѣнія очень мало извѣстны. Учитель двухъ императоровъ, стоявшій съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, онъ, консерваторъ въ области литературѣ, могъ оставаться только консерваторъ и въ сферѣ политики и религіи. Въ имперіи Марка Аврелія онъ видѣлъ осуществленіе своего политическаго идеала, не стремился ни къ чему лучшему и восхвалялъ наставшій порядокъ ²⁾. Человѣкъ, полагавшій всё сущности знанія въ риторикѣ, онъ не былъ ни философомъ, ни богословомъ, не искалъ никакихъ тайнъ и откровеній, и ни разу не пытался пайти какой-либо высшій смыслъ въ окружающемъ его порядкѣ вещей. Сохранившаяся до нашего времени переписка его съ Антониномъ Пиемъ и Маркомъ Авреліемъ предлагаетъ, хотя и не большой матеріалъ, но вполнѣ достаточный для того, чтобы дать нѣкоторую характеристику религіозныхъ воззрѣній Фронтонна. Несомнѣнно одно, что онъ вращается въ кругу обычныхъ для его времени религіозныхъ понятій. Извѣщая Антонина Пія, что дѣти его по своему виду оказываются совершенно похожими на него, онъ увѣдомляетъ императора, что „помощію боговъ“ всё они здоровы по цвѣту и громки голосомъ, и просить боговъ: пусть пребудутъ въ благосостояніи съятель, по съяншое и жатва ³⁾. Въ одномъ мѣстѣ онъ клянется высшими и низшими богами ⁴⁾. За Фаустину, жену Марка Аврелія онъ каждое утро призываетъ боговъ ⁵⁾ и самъ даетъ и совершаетъ обѣты предъ ларами и домашними богами,

¹⁾ Ср. Jean Dartigue—Peuron Marc—Aurelius dans ses rapports avec le christianisme. Paris, 1897.

²⁾ См. Naber, cit. ed. pp. 16, 49, 101, 246, 153, 158. 167. 213. 214. 217. 220. 222. 229. 232.

³⁾ Naber, cit. op. p. 101.

⁴⁾ Ibid. 166.

⁵⁾ p. 83.

чтобы въ наступающемъ году увидѣть Антонина Пия ¹⁾. Какъ риторъ онъ стремится освободить ораторскую рѣчь отъ мнѳологическихъ наслоеній и анекдотовъ. Онъ считаетъ „постыднымъ порокомъ употреблять въ ораторскихъ рѣчахъ такія сравненія, какъ „лебединый хвостъ, волосокъ Веперы, бичъ фуриевъ ²⁾. Любитель разныхъ курьезовъ, онъ рефереруетъ своимъ высокопоставленнымъ воспитанникамъ „пустыя и ничего нестоящія вещи вродѣ „Похвалы туману и пыли“ ³⁾ или „басни о происхожденіи сна“ ⁴⁾, но все это происходитъ случайно, между словами, не преслѣдуетъ никакой определенной цѣли и не имѣетъ обработаннаго плана. Лучшій религіозный отобразъ Фронтона дастъ его рѣчь, вложеная Мипциемъ Феликсомъ въ уста Цецилія. Непримримый скептикъ, отрицающій теоретически всякую возможность познанія Божества, даже самое его бытіе, далекій отъ всякой мысли о промыслѣ и какомъ-либо строителѣ міра, онъ на самомъ дѣлѣ является глубоко-вѣрующимъ язычникомъ, и въ преданіяхъ старины находитъ все дашня, чтобы возвести древнюю римскую религію на шедесталь единственно истинной и спасительной религіи и непоколебимой основы государства. Какія симпатіи могъ питать этотъ скептикъ-консерваторъ къ той жалкой и презрѣнной сектѣ людей, которая въ правленіе его учителя все усиливалась и ужасныя святилища котораго наполняли весь міръ (Minc. Fel. c. IX), нарушая прочность имперіи и увлекая изъ среды язычниковъ многочисленныхъ поклонниковъ. Риторъ, вращавшійся въ высшихъ кругахъ общества, онъ могъ лишь съ презрѣніемъ аристократа смотрѣть на этотъ сбродъ нечестиваго общества и съ скрупулезностью адвоката начать на христіанства, воспользовавшись для обличенія поклонниковъ новой религіи тѣми позорными свѣдѣніями о христіанствѣ, какими полна была народная молва.

Фронтонъ открываетъ свою рѣчь чисто эпикурейскимъ ученіемъ о недоступности для человѣческаго ума всякаго познанія о божествѣ, о полной невозможности допустить какого-либо Бога Творца или промышленія для объясненія

¹⁾ p. 167.

²⁾ Naber, cit. op. 157 sp. 145. 146.

³⁾ ibid. p. 211.

⁴⁾ ibid. p. 228. 229.

мірового процесса. Въ самомъ дѣлѣ ограниченность чело-
вѣческаго ума такъ далека до познанія Бога, что ему недо-
ступно ни то, что находится надъ нимъ на небѣ, ни то, что
заключено въ глубокихъ нѣдрахъ земли. Если при этой
ограниченности ума, люди, поверженные на землю, перено-
сятся въ дерзкихъ помыслахъ на самое небо, то, по крайней
мѣрѣ, пусть не выдумываютъ еще пустыхъ и страшныхъ
призраковъ. Все произошло изъ первоначальныхъ элемен-
товъ, существовавшихъ въ нѣдрахъ земли: какой же тутъ
Творецъ міра? Всѣ части вселенной образовались, располо-
жились одна подле другой и устроились отъ случайнаго
столкновения; какой же тутъ устроитель—Богъ? Огонь за-
жечь звѣзды, образовать небо изъ своего вещества, утвер-
дить небо посредствомъ тяжести, привлечь въ море жид-
кости; къ чему тутъ религія, этотъ страхъ предъ божествомъ,
это суевѣріе? Человѣкъ, какъ и всякое животное слагается изъ
произвольнаго соединенія элементовъ и опять разрушается
безъ всякаго художника, безъ распорядителя, безъ творца ¹⁾.
Молніи падаютъ во всякомъ мѣстѣ, безъ разбора поражаютъ
храмы и дома, убиваютъ порочныхъ людей, не щадя и бла-
гочестивыхъ, въ пожарахъ одинаково погибаютъ цѣлныя и
преступныя; во время мира пороги идутъ часто рядомъ съ
добродѣтелью, и въ дѣлахъ человѣческихъ все сомнительно,
непѣвѣстно, невѣрно, только болѣе вѣроятно, чѣмъ несправ-
дливо ²⁾. Гдѣ же тутъ providentіе божественное ³⁾.—Если бы

¹⁾ Ср. Сісего, de nat. deor., cit. ed. I, 8—p. 10. „Какими глазами души хотѣлъ объяснить вамъ Платонъ столь важное дѣло; какимъ богомъ укра-
шенъ міръ? откуда движеніе? какими орудіями (онъ производитъ)?.. Ка-
кимъ управителемъ была вручена столь великая обязанность: какимъ
архитекторомъ попилаются и служатъ воздухъ, огонь, вода и земля?..
Все это является скорѣе желательнымъ, чѣмъ обнаруживается на самомъ
дѣлѣ (Веллій эпикуреецъ въ критикѣ ученія Платона).

²⁾ Сісего, *ibid.* I, 5 p. 11 (ученіе академикова): „во всему истинному
примѣшана ложь, такъ что нельзя указать никакого критерія для раз-
дѣленія ихъ.

³⁾ „Если глухость (Котта) по сужденію всѣхъ философовъ есть вели-
чайшее зло, (то какъ, понять то), когда все злое судьбы и гѣла распро-
страняется повсюду, мудрость же нигдѣ не находится; въ великихъ бѣд-
ствіяхъ оказывается все, которымъ вы приписываете самое лучшее предо-
предѣленіе отъ боговъ (Сісег., cit. op. III, 2: p. 116). Итакъ нѣтъ никакого
различія между добрыми и злыми (*ibid.* III, 35 p. 119).

міромъ управляла воля какого-нибудь Божества, то никогда бы Фаларисъ и Діонисій не удостоились бы царства, Рутилій и Камиллъ не были бы наказаны ссылкой и Сократъ принужденъ умереть отъ яда ¹⁾. Или истина сокрыта въ мракъ неизвѣстности или же, что всего вѣроятнѣе, всѣмъ управляетъ безъ всякихъ законовъ непостоянный своенравный случай. Тѣмъ болѣе достойны негодовапія и соболѣзнованія то, что нѣкоторые необразованные и невѣжды, чуждые понятія о самыхъ простыхъ искусствахъ (раз. христіане), осмѣливаются разсуждать о сущности вещей, о божествѣ, о чемъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ спорять философы (с. XV).

Единственный выходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій лежитъ въ урокахъ предковъ; залогъ истины заключается въ томъ, чтобы держаться преданной религіи, почитать боговъ, которыхъ родители внушили бояться прежде чѣмъ, мы узнали ихъ. Не слѣдуетъ разсуждать о богахъ, но должно вѣрить предкамъ ²⁾. Религія, полученная отъ предковъ есть общечеловѣческое достояніе и уже достаточно доказала свою спасительную силу. Во всѣхъ государствахъ, провинціяхъ и городахъ народы имѣли свои священные обряды и почитаютъ своихъ мѣстныхъ боговъ, такъ напр. элевзинцы Цереру, фригійцы Цибеллу, халдеи Бела, сирійцы Астарту, тавряне Діану, галлы Меркурія, римляне всѣхъ этихъ боговъ. Власть и могущество римлянъ простирается даже за предѣлы океана ³⁾ за то, что даже на войнѣ они показываютъ свою религіозность. Переноса къ себѣ религіозные культы всѣхъ народовъ, Римъ заслужилъ быть царемъ міра.

¹⁾ (Если бы существовало провидѣніе) то почему мой дядя (Котты) Рутилій былъ посланъ въ изгнаніе? Почему Діонисій былъ тираномъ богатѣйшаго и счастливѣйшаго государства; а также Фаларисъ, не потерпѣлъ ли онъ изгнанія? Что скажу и о Сократѣ, смерть котораго я имѣлъ обыкновеніе оплакивать, читая Платона (cit op. III, 22, p. 11).

²⁾ Ср. Сисег., cit. op. III, 2, p. 23 (Котта): и я убѣжденъ, что мысли, какія мы приняли отъ предковъ о бессмертныхъ богахъ и священныхъ церемоніяхъ должны быть защищаемы. Никто, будетъ ли онъ ученымъ или невѣжей, не долженъ колебать полученное отъ предковъ ученіе о богахъ, такъ какъ въ этомъ заключается основа государства.

³⁾ *ibid.* II, 2, 3, p. 44 48. Итакъ въ нашемъ народѣ и прочихъ существуетъ культъ боговъ и религіозныя святилища въ лицѣ большихъ и малыхъ боговъ и всѣ части республики (при помощи этихъ культовъ) содержатся въ благополучіи.

а отсюда и религиозный строй римской империи, который непрерывно сохранялся и въ продолженіе вѣковъ не умался, но прогрессивно возрасталъ, такъ какъ святость обрядовъ и священныя учрежденія тѣмъ болѣе возвышались, чѣмъ они древнѣе (с. VI). И этотъ религиозный строй Рима всей своей прошлой исторіей наглядно обнаружилъ свою религиозную силу въ многочисленныхъ фактахъ высшей помощи, и въ этомъ пунктѣ рѣчь Фронтоня приобретаетъ особую энергичность. Не напрасно древніе предки съ такимъ тщаніемъ наблюдали предсказанія авгуровъ, обращались къ гаданію по внутренностямъ животныхъ ¹⁾... Достаточно просмотрѣть историческія книги, чтобы убѣдиться, какъ они совершали священныя обряды всѣхъ народовъ, чтобы возблагодарить боговъ за ихъ милость или отвратить угрожающій гибель или умилостивить гнѣхъ, уже постигшіи своею яростью и казнями. Вотъ факты. Такова Идея, мать боговъ, которая по прибытіи своемъ въ Италію засвидѣтельствовала цѣломудріе одной женщины и освободила городъ отъ страха непріятелей ²⁾. Свидѣтелями этой постоянной помощи боговъ являются статуи, поставленныя въ честь двухъ братьевъ на берегу озера, какъ они явились на дымящихся и покрытыхъ пѣпой коняхъ, возвѣстивши о побѣдѣ надъ Персами въ тотъ самый день, когда была одержана побѣда ³⁾ и учрежденіемъ

¹⁾ Ср. Сісего, cit. op. II, 65, p. 90. (Бальба) „мнѣ кажется, что всѣми силами нужно утверждать существованіе провидѣнія въ дѣлахъ человѣческихъ: многое предопредѣляютъ гаруспиды, многое предвѣщаютъ авгуры, многое объясняется оракулами, предсказывается и снами, и когда они принимаются во вниманіе, многія дѣла, предпринимаемая (по одному) человѣческому сужденію, избѣгали опасностей.

²⁾ Древніе историки рассказываютъ о прибытіи въ Римъ каменной статуи Идеи или Матери боговъ, Цибеллы или Цереры въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы Ганибаль въ пуническую войну былъ изгнанъ изъ Италіи. Когда корабль съ изображеніемъ богини достигъ Тибертинской пристани, онъ здѣсь останоуился, и никто не могъ сдвинуть его съ своего мѣста. Тогда (весталка) Клавдія, относительно дѣвства которой распространялась самая темная молва, во всеуслышаніе заявила о своемъ цѣломудріи и, наливъ молитву передъ богиней одна, по желанію всего римскаго народа, на поясъ вытащила корабль на берегъ (de Mourgu cit. op. с. 605).

³⁾ Сісег., cit. op. II, 2, 44: боги часто показываютъ свое присутствіе, какъ напр. въ войнѣ латинянъ при Регвін, когда Пастумій диктаторъ съ Октавіемъ Максимомъ Тускуланомъ подверглись опасности, въ самомъ войскѣ видѣли Кастора и Поллуса сражавшихся на коняхъ; также Ва-

игръ въ честь разгнѣваемаго Юпитера, явившемуся во снѣ одному изъ плебеевъ ¹⁾. „Свидѣтельствую съ самоотверженіемъ Деціевъ ²⁾, и Курція, бросившаго на своемъ конѣ въ отверстіе глубокой пропасти ³⁾ и гарусиціи болѣе чѣмъ это было желательно самимъ римлянамъ, подтверждали личное участіе боговъ въ судьбѣ людей. Предпріятіе Клавдія и Юлія противъ карфагенцевъ, явилось не столько сраженіемъ, сколько рѣшительнымъ пораженіемъ римлянъ и тразименское озеро обогрилось кровью, потому что онъ презрѣлъ гаданія авгуровъ. ⁴⁾ Крассъ за насмѣшку надъ (фуріями заслу-

тиній, прибывшій въ Римъ изъ префектуры Реатинской, ночью возвѣстид сенату, что два юноши на бѣлыхъ коняхъ захватили въ плѣнъ царя Персея“.—Многіе римскіе историки повторяютъ этотъ разсказъ, повѣствуя, какъ два юноши на бѣлыхъ коняхъ захватили въ плѣнъ царя Персея, о чемъ сенату возвѣщено было въ ту же ночь, и сенатъ поставилъ имъ статуи на берегу моря (Le Nourry, cit. op. с. 605).

¹⁾ Въ объясненіе этой фразы Le Nourry ссылается на одно мѣсто изъ сочиненія Цецерона de divinatione (cit. ed., 116. I, 26, p. 146), которое одно и можетъ объяснить это неясное извѣстіе Фронтона: „хотя во время латинской войны сначала совершались многочисленныя священные игры, но когда государство неожиданно прибѣгло къ оружію, игры были прекращены и ихъ слѣдовало возстановить. Какъ это и прежде бывало, когда народъ собрался (на игры), по сценѣ подари раба, носившаго на себѣ колоду (накладываемую обыкновенно на виновныхъ рабовъ) при чемъ били (caedetur—убили?) его плетями. Въ это время одинъ римскій простолуцианъ, увидавъ во снѣ пришедшаго (?) къ нему, сказавшаго, что префекту не угодны игры и повелѣвшаго ему извѣстить о томъ сенату, но онъ не посмѣлъ. Было и во второй разъ приказано (во снѣ) сдѣлать то же, но онъ и теперь не посмѣлъ. Между тѣмъ сынъ его (раба, подвергнутый наказанію на сценѣ?) умеръ и онъ самъ сдѣладеа боленъ ногами, но когда онъ разсказалъ о своихъ видѣніяхъ друзьямъ, то по постановленію (Sententia—кого?) на носилкахъ былъ доставленъ въ курію, и когда онъ воизвѣстид тамъ о своихъ видѣніяхъ, ногамъ его возвратилось здоровье. Сонъ былъ одобренъ сенатомъ и игры возстановлены (передано въ свободномъ изложеніи).

²⁾ Деція (отецъ и сынъ, по другимъ источникамъ, —внукъ, посвятивши себя римскимъ богамъ, вооруженными бросились въ массу враждебныхъ войскъ и своей геройской смертью обезпечили побѣду. Le Nourry cit. op. p. 60.

³⁾ О Курціи извѣстно, что когда среди городской площади Рима открылась глубокая пропасть, которой ничто не могло наполнить, воинственный юноша М. Курцій, посвятивъ себя богамъ, вмѣстѣ съ своимъ конемъ бросился въ пропасть, и земля приняла прежнее положеніе. Ibid., с. 608.

⁴⁾ Ср. Cicero, cit. op.: (Бальбъ) и предсказанія и пророченія будущаго, что другое означаютъ, какъ не то, чтобы предувѣдомить и предсказать

жить ихъ гнѣвъ, заставивъ римлянъ выручать свои знамена у парбянъ 1). Было бы долго говорить о милостяхъ и благодѣянiяхъ боговъ, проявленныхъ въ событияхъ времени отдаленныхъ; достаточно сказать, что всѣ эти наблюденiя съ логической необходимостью ведутъ къ тому одному заключенiю, что близкiе къ Богу вдохновенные прорицатели предсказываютъ будущее, предупреждаютъ объ опасностяхъ, подаютъ исцѣленiе больнымъ, надежды удрученнымъ, помощь бѣднымъ, утѣшенiе несчастнымъ, облегченiе трудящихся (с. VII). Только три нечестивца пытались разрушить всякое благочестiе,—это Феодоръ Киренскiй и жившiй прежде него Диагоръ Мелiйскiй, прозванный безбожникомъ; въ особенности же Авдеритянинъ Протогоръ *болѣе дерзко, чѣмъ нечестиво* разсужденiе о богахъ, былъ изгнанъ Афинянами изъ ихъ предѣловъ, а сочиненiя его публично были сожжены (Oct. c. 8: Abderites Protagoris... Athniensi viri... expulerunt suis finibus et in concione ejus scripta deusserint) 2) (с. VIII). И такъ единственное и истинно богообщенiе даетъ только римская религiя: чрезъ близкiхъ Богу людей боги входятъ во всѣ нужды человеческой жизни, караютъ виновныхъ, предсказываютъ будущее и т. д. Лишь благочестiе римлянъ, унаслѣдованное ими отъ предковъ, спасало ихъ отъ всѣхъ историческихъ бѣдствiй, составляетъ

людямъ будущее. Развѣ не первый убѣждаетъ насъ въ этомъ необдуманность Клавдiя въ пунической войнѣ, когда онъ, шутя подсмѣявшись надъ богами... свергнулся въ море со всѣмъ войскомъ..., и смѣхъ его не принесъ ли многихъ слезъ великому римскому народу. А его коллега Юнiй не по такой-ли же безразсудности оставилъ войско, когда гаруспици не состоялись, такъ же и Клавдiй осужденъ народомъ, а Юнiй самъ себя призналъ достойнымъ смерти и Фламнiй Цецилiй, пренебрегши религiей, палъ при Тразименскомъ озерѣ. С. 11 р. 44. 45.

1) Ср. Cicero. cit. ed. De div. 1, 16, p. 137. Относительно Красса видимъ, что происшедшее съ нимъ случилось вслѣдствiе небреженiя его къ дурнымъ предсказанiямъ фуриевъ.

2) Cicero, cit. op. 1, 23, p. 25 (Котта) „Диагоръ безбожникъ и прежде него Феодоръ не прямо-ли отрицали боговъ, а Авдеритянинъ Протогоръ, который въ началѣ своей книги высказался такъ: относительно боговъ не имѣю ничего опредѣленнаго сказать, существуютъ они или нѣтъ по приказанiю Афинянъ былъ изгнанъ изъ города и предѣловъ его и его сочиненiя сожжены были публично (Abderitus Protagoras Atheniensium Jussu urbe atque agro exterminatus librique ejus in concione combusti).

собой опорю государственнаго строя римлянъ и подчинило ихъ могуществу весь мѣръ (с. VI).

Что же представляетъ собой христіанство?

Христіане—это люди жалкой и запрещенной секты, дерзко возстающіе противъ боговъ,—люди, которые набираютъ въ свое печетливое общество постѣдователей изъ самой грязи народной, изъ легкомысленныхъ женщинъ, заблуждающихся по легкомыслию своего пола:—люди, которые со своими пестами и безчеловѣчными явствами, сходятся не для священныхъ обѣтовъ, а для скверностей (с. VIII).

Каково же можетъ быть нравственное состояніе этого пустого и безмысленнаго еувѣрія? Они обладаютъ извѣстными только имъ однимъ знаками ¹⁾, по которымъ и узнаютъ другъ друга, питая любовь къ неизвѣстнымъ людямъ. Образуется какая-то любовная связь безъ разбора между братьями и сестрами, чтобы обычное любодѣяніе посредствомъ священнаго имени сдѣлать кровосмѣшеніемъ. И что представляютъ собой ихъ богослуженія? Это постоянно смѣняющіеся сцены злодѣяній и разврата. Въ обычномъ обиходѣ жизни они ²⁾... Въ день солища они собираются для общей вечери со всѣми дѣтьми, сестрами и матерями безъ различія пола и возраста. Когда послѣ различныхъ яствъ ниръ разгорается и впно воспламенитъ въ нихъ жаръ сладострастія, бросаютъ кусокъ мяса на разстояніе большее, чѣмъ длина веревки, которой она привязана; собака, сдѣлавъ прыжокъ, роняетъ и гаситъ свѣтильникъ и тогда... пользуясь безстыдною темнотою ³⁾... Еще отвратительнѣе и ужаснѣе способы, практикуемые ими при пріемѣ въ свое позорное общество. Они всѣмъ извѣстны: предлагается младенецъ, покрытый мукой, чтобы обмануть неосторожныхъ, приглашаютъ послѣднихъ сдѣлать удары ребешку, чтобы избавить его отъ муки; и люди неопытные напесятъ глубокія раны, умерщвляющія младенца и—о ужасъ!—присутствующіе съ жадностью пьютъ его кровь и раздѣляютъ между собой его члены (с. IX).

1) Раазумѣется знакъ креста; извѣстно, что древніе христіане полагали его повсюду; на порогѣхъ, на дверяхъ дома, въ которыхъ они жили, на сосудахъ изъ которыхъ они пили, одежды, постели и т. д.

2) *ferunt ipsius antistitis ac sacerdotis colere genitalia et quasi parentis sui adorant natram.*

3) *Infande cupiditates involvunt per incertum sortum.*

Какой же Богъ у этой развратной религiи? Они не имѣютъ никакихъ храмовъ, никакихъ жертвенниковъ, ни общепринятыхъ изображенiй (с. X). Слышно, что они почитаютъ голову самаго низкаго животнаго,—голову осла (с. IX)⁴⁾. Они

⁴⁾ О происхожденiе этого обвиненiя на христіанъ нѣкоторыя свѣдѣнія даетъ Тертуліанъ: „Изъ-за имени христіанина,—пишетъ онъ,—обращаясь къ язычникамъ, насъ обвиняютъ не только въ томъ, что мы покинули общую религiю, но и въ томъ, что изобрѣли новую религiю. Ибо, подобно нѣкоторымъ, вы думаете, что Богъ нашъ ослиная голова. Эту мысль подалъ Корнелій Тацитъ. Въ четвертой книгѣ своей исторiи, гдѣ рассказываетъ о войнѣ іудейской, онъ повѣствуетъ, что евреи во время путешествiя по пустыни, изнемогая отъ жажды вслѣдствiе недостатка воды, спаслись благодаря осламъ, шедшихъ съ пастбища на допой и указавшимъ имъ источникъ, и что по этой причинѣ іудеи почитаютъ голову этого животнаго. Но тотъ же Корнелій Тацитъ... забылъ свой рассказъ и повѣствуя о завоеванiи Іудеи Помпеемъ и взятiи имъ храма, онъ рассказываетъ, что когда Помпей вошелъ въ храмъ и тщательно осмотрѣлъ его, онъ не нашелъ тамъ никакого изображенiя“. (Ad nat. I, 11). Гдѣ же былъ тамъ богъ (оселъ)? Изъ словъ Тертуліана стѣдуетъ, что его языческіе современники обвиняли христіанъ въ созданiи новой религiи, состоящей въ почитанiе ослиной головы, что по даннымъ Тацита въ его время въ іудействѣ существовалъ культъ ослиной головы, возникшій во время путешествiя ихъ по Палестинѣ. Возраженіе Тертуліана, что Помпей не нашелъ никакого изображенiя (т. е. осла) въ іерусалимскомъ храмѣ отнюдь не устраняетъ научнаго достоинства свѣдѣтельства Тацита о почитанiи іудеями его времени осла, такъ какъ Тацитъ говоритъ вообще о культѣ осла въ іудействѣ, а не о почитанiи его въ храмѣ. Во всякомъ случаѣ іудеи оказались, повидимости, одними изъ первыхъ, распространившихъ молву о новомъ христіанскомъ Богѣ. Почти на глазахъ Тертуліана въ самомъ Каррагенѣ „одинъ развращенный человекъ, іудей только по обрѣзанію, выставилъ на посрамленіе христіанъ картину съ надписью *ὁμοιωσις* (поклонникъ осла) съ лошадиными ушами въ позѣ съ книгой на одной ногѣ... и чернь повѣрила опозоренному іудею... съ всемъ городѣ говорятъ только о нашемъ онокоитѣ (ibid. с. 13). Съ этимъ извѣстiемъ Тертуліанъ любопытно сопоставить одно изображеніе, найденное въ Римѣ въ императорскихъ палатахъ въ открытомъ при раскопкѣ Палатинѣ портикѣ, начертанное острымъ инструментомъ на графитной скалѣ. Оно изображаетъ собой человекъ съ ослиной головой, облаченного въ короткую одежду, держащуюся на плечахъ и прѣбитаго на крестѣ въ формѣ Г бедра обвиты карательной подвязкой, руки укрѣплены по перечнымъ концамъ креста, ноги опираются на подставки (видъ распятаго). Налѣво стоятъ человекъ въ такой же одеждѣ, дѣлающій рукой знакъ поцѣлуя по отношенiю къ фигурѣ распятаго; надпись гласитъ: Алексамень молится (своему) Богу. Въ настоящее время окончательно признано въ наукѣ, что описанный сейчасъ рисунокъ представляетъ собой пародію на христіанское богопочитаніе. Вновь найденные

поклоняются человѣку, наказанному за злодѣянiя страннымъ наказанiемъ и преклоняются предъ древомъ креста ¹⁾, и потому имѣютъ алтари, приличныя злодѣямъ и разбойникамъ (с. IX). Да и откуда, что такое и гдѣ этотъ Богъ, одинокій, пустынный, котораго не знаютъ ни одинъ свободный народъ, ни одно государство, ни римская набожность. Только одинъ несчастный иудейскiй народъ почиталъ единого Бога, да и то открыто, имѣя храмы, жертвы, священные обряды и жертвоприношенiя, да и онъ не имѣлъ никакой силы и могущества и вмѣстѣ со своимъ народомъ покоренъ римлянинами. И какого Бога они выдумываютъ? Они говорятъ, что ихъ Богъ, котораго они не могутъ видѣть, и другимъ показать, тщательно слѣдитъ за правами, дѣлами, словами и даже тайными помышленiями каждаго человѣка, всюду проникаетъ, вездѣ присутствуетъ, и такимъ образомъ они представляютъ его постоянно безпокойнымъ (*molestum*) безстыдно любопытнымъ (*curiosum*): присутствуя при всякихъ дѣлахъ, онъ находится во всѣхъ мѣстахъ и потому занятый всѣмъ мiромъ, не можетъ обнимать всѣ его части; развлекаясь частями, онъ не можетъ обнимать цѣлое ²⁾ (с. X).

медали, амулеты и геммы осла или ослиной головы разкрываютъ предъ наукой цѣлый и сложный культъ съ изображенiемъ осла или ослиной головы, характеризующiй собой эпоху перехода отъ эллинизма къ христіанству; такъ рисунки на одной геммѣ содержатъ съ себя изображенiе осла, облеченнаго въ паллiумъ въ стоячемъ положенiи съ двумя верхними руками, поднятыми какъ бы для благословенiя предстоящихъ двухъ человѣческихъ фигуръ, съ напряженнымъ вниманiемъ, обращенныхъ къ нему. Петронiй (fragm. XXXV) говоритъ объ иудѣ, что онъ и почитаетъ имя паросенка и призываетъ великія уши осла. Начавшись съ глубокой древности, культъ ослу продолжался еще въ началѣ 5 вѣка: извѣстные законы Галерiа и Θεодосiа 2-го 409 году противъ *cellicolae* (чит. *Cellicolae* (*κίλλος*—оселъ) Ср. Krauss. Real-Encyclopädie d. christliche Alterthümer. Freiburg 1888 (статья Kraussa Spottcrucifix, s. 775. 776). Обвиненiе христіанъ въ почитанiи осла стояло такимъ образомъ въ курсѣ вещей.

¹⁾ См. о томъ же Тертуллиана. Христіанъ обвиняли еще въ поклоненiи солнцу (*ad nat.* 1, 12—13).

²⁾ Cicero, *op. cit.* I, 20, p. 23: „Богъ не отягощается безпокойными занятiями (*molestum*) и дѣлами... Кто не убоится признавать Бога, все предвидящаго, о всемъ думающаго, все направляющаго по своему вѣдѣнiю любопытствующаго (*curiosum*), отягченнаго дѣлами (возраженiе эпикурейца на столпческое ученiе).

Пусть будетъ такъ! Но вотъ большая часть изъ нихъ, переживаетъ бѣдность, страдаетъ отъ голода и холода, обременена тяжкимъ трудомъ. Гдѣ же этотъ вседѣущій и всезнающій Богъ? Или Онъ не хочетъ или не можетъ помочь христіанамъ: значить Онъ слабъ и несправедливъ... Вотъ предъ христіанами угрозы казни и аресты: гдѣ же тотъ Богъ, который не оказываетъ помощи живымъ (с. XII)?

Чего же ждать хорошаго культурному обществу отъ этой жалкой и презрѣнной секты, бѣгающей свѣта, нѣмой въ обществѣ, говорливой въ своихъ убѣжденіяхъ? Они презираютъ храмы, какъ гробницы боговъ; отвергаютъ боговъ, надмѣхаются надъ священными обрядами: сами полунагіе, пренебрегаютъ почестями и багряницами жрецовъ (с. VIII). Удрученные заботами и безпокойствомъ, они чуждаются даже благопристойныхъ удовольствій, не участвуютъ въ общественныхъ пиришестввахъ, гнушаясь священныхъ жертвенныхъ яствъ и вина. Всегда блѣдые и запуганные, они не украшаютъ своихъ головъ цвѣтами, не умащаютъ тѣлъ благовоніями, не украшаютъ вѣнками гробницы (с. X). Мало того: христіане угрожаютъ землѣ и всему міру съ его свѣтилами союзкепіемъ, предсказываютъ разрушеніе его (с. X). Прибавляютъ и свои старушечьи басни, утверждая, что онѣ послѣ смерти опять возродятся изъ пепла и праха и съ непонятной увѣренностью признаютъ эту ложь, какъ будто они и теперь уже воскресли!—Все это ничто иное, какъ вымыслы разстроеннаго ума, нелѣпые мечты, облеченные лживыми поэтами въ изящные стихи, а они легковѣрные не стыдятся приписывать ихъ своему Богу (с. XI).

И неизумительно-ли то, что въ этомъ преступномъ и позорномъ обществѣ наблюдается еще какая-то страсть къ философствованію. Фронтонъ рекомендуетъ христіанамъ слѣдовать Сократу, первому изъ мудрецовъ, отвѣчавшему на все предлагаемые ему вопросы однимъ изреченіемъ, „что выше насъ, то не касается насъ“. Самъ оракулъ засвидѣтельствовалъ мудрость Сократа, да и самъ Сократъ сознавалъ: что онъ превзошелъ всѣхъ въ мудрости не потому, что онъ знаетъ все, но потому, что позналъ, что ничего не знаетъ ¹⁾. Въ при-

¹⁾ Ср. Cicero. Acad. quaest. 116. 1, „Сократъ во всѣхъ почти своихъ рѣчахъ, какія восприняты слышавшими его, такъ разсуждаетъ,—что онъ

знаніи невѣдѣнія заключается, слѣдовательно, вся мудрость, а не въ стремленіе къ какому-то философствованію). Вотъ примѣръ Симоида, показывающій, какъ надо относится къ подобнаго рода вопросамъ. Когда тиранъ Герокль спросилъ у него, какъ онъ думаетъ о богахъ, философъ сначала потребовалъ у него день для размышленія и еще два раза попросилъ у него два дня отерочки. На вопросъ удивленнаго Герокля о причинѣ такой медленности, Симоидъ заявилъ, что чѣмъ больше онъ углублялся въ вопросъ, тѣмъ онъ становился темнѣе для него ¹⁾.—Такова рѣчь циртискаго оратора. Она всесторонне охватываетъ собой христіанство, какъ историческое явленіе, данное въ извѣстный моментъ времени, разсматриваетъ его въ отношеніи вышшняго обнаруженія его къ строю современной ему культуры и религіи, слѣдитъ со всею возможною для него обстоятельностью за каждымъ частнымъ признакомъ изучаемаго имъ явленія, описываетъ способы приѣма въ общество, евхаристію и т. д. Она является яркимъ и всестороннимъ выраженіемъ того впечатлѣнія, какое произвело христіанство на культурный міръ при первомъ своемъ вышнемъ обнаруженіи, собираетъ, какъ въ фокусѣ все отрицательныя стороны его, не опускаетъ ни одной мелочи въ изучаемомъ имъ предметѣ, способной произвести отталкивающее впечатлѣніе на читателя, и концентрируетъ въ одномъ главномъ и художественномъ образѣ все то позорное, преступное, ужасное и развратное, что могъ сказать вышній наблюдатель христіанскаго общества въ вѣкъ Марка Аврелія. Назвать произведеніе Фронтона преднамѣренной и злокозненной пародіей христіанства было бы не совсѣмъ справедливо. Со своей точки зрѣнія онъ стоитъ на объективной, исторической точки зрѣнія и для всякаго

ничего не знаетъ, кромѣ самого себя, и даже не знаетъ, того знаетъ-ли онъ самого себя; по этой причинѣ и Аполлономъ онъ признанъ былъ мудрѣйшимъ изъ всѣхъ, что въ томъ состоитъ всеобщая мудрость не полагать себя знающимъ чего-нибудь". См. Nourry cit. op. p. 415.

1) Cicer. de natur. deor. cit. ed. 1. 22, p. 22: (Когда „спросить меня, „каковъ и кто Богъ? Воспользуюсь примѣромъ Симоида; когда объ этомъ спросилъ его тиранъ Герокль, то (Симоидъ) потребовалъ у него одинъ день для размышленія, затѣмъ, попросилъ двухъ; когда же онъ чаще сталъ умножать число дней, удивленный Герокль спросилъ, почему онъ поступаетъ такъ, Симоидъ сказалъ, что чѣмъ больше я размышлялъ, тѣмъ темнѣе становилось для него дѣло“.

обвиненія, предъявляемаго имъ по адресу христіанъ, можно указать аналогіи у современныхъ ему писателей, свидѣтельствующее, что Фронтонъ не самъ, но своей инициативѣ придумываетъ этотъ отвратительный образъ христіанства, но лишь пользуется готовыми разсказами о преступности и порочности новаго религіознаго союза людей, провѣрить которыя онъ не имѣлъ никакой охоты, и его полемическій трудъ представляетъ собой лишь яркое зеркало, отражающей въ полной всесторонности тотъ отобразъ христіанства, какой рисовался въ умѣ лицъ, подобныхъ Фронтону.

Человѣкъ, жившій въ то время, когда „печестіе описываемаго имъ порочнаго общества людей съ каждымъ днемъ усиливалось и ужасныя святилища его наполнили уже цѣлый міръ (с. IX), Фронтонъ, надо думать, не былъ лишень всякой возможности стѣднить за нимъ хоть издали, и дѣйствительно нѣкоторыя извѣстія о христіанствѣ показываютъ въ немъ очень тонкаго наблюдателя и имѣютъ свою историческую цѣнность. Независимо отъ своей воли онъ не замалчиваетъ и добрыхъ сторонъ христіанства, хотя подъ его перомъ, движимымъ отвращеніемъ и искреннимъ презрѣніемъ къ осуждаемому имъ историческому явленію, и эти идеальныя черты христіанства пріобрѣтаютъ своеобразный видъ. *Они милосердствуютъ о бѣдныяъ...*, сами подкупае (с. VIII); *и не страшатся смерти...*, но боятса будущаго (ibid). Ему также известна ихъ всеобщая любовь и братство, которая веѣхъ христіанъ, разсѣянныхъ по имперіи связывала въ одну общую семью. „Эти люди шипеть онъ, шипеть другъ къ другу любовь, *не будучи* даже между собой знакомы и называютъ другъ друга *братьями и сестрами...* но для того, чтобы обычае любодѣяніе стѣлать смѣшеніемъ (с. IX). Итакъ все возвышенное, чистое и совершенное въ человѣчествѣ (любовь, братство, милосердіе, героизмъ при казняхъ и пыткахъ, готовность умереть), — все это пріобрѣтаетъ въ этомъ ужасномъ обществѣ свое значеніе, искажается до неузнаваемости и придаетъ ему новыя черты суевѣрія, безумія и разврата. Въ конечномъ результатѣ для Фронтонна остается только одинъ исходъ: должно искоренить, уничтожить его (с. IX).

(Продолженіе слѣдуетъ). А. Спасскій.